

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 618-627. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.618
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Formation and Development of the Social Control System in the Steppe Krai in the second half of the XIX – early XX century

Inna V. Anisimova^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the development of the social control system in the Steppe Krai in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century on the basis of legislative sources and clerical documentation. The system of social control based on the main provisions of "neoinstitutionalism" we are considering as a "formal" institution, which is a way of coordinating social interaction. The system approach allows to identify the main elements of the researched system (prosecutor's office, police, prison) and analyze their functional effectiveness.

As a result of the study, it can be concluded that in the Steppe Krai during the period under review, the imperial authorities paid insufficient attention to the development of the social control system. The Institute of the Prosecutor's Office was transplanted into the judicial system of the Steppe Regions only in 1868. The prosecutor's supervision marked by the law number of the staff, expanded functional competencies in comparison with prosecutors of internal provinces and the scope of official powers. General imperial reforms of the police and prison system of the 1970's XIX century did not spread in the Steppe Krai. Regional authorities critically evaluated the work of the police. Police oversight functions were assigned to county governors who could not fully implement police supervision, performing direct administrative and management functions. The regional penitentiary system was in extremely difficult condition. Low financing, emergency conditions and overcrowding in prisons, and a small number of prison staff were the main problems of the system.

Analysis of the development of the prosecutor's office, the police and the penitentiary system reveals the functional inefficiency of the social control system of the Steppe Krai in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century and a clear need to its modernization and incorporation into the general imperial space, which was recognized by regional and central levels of government.

Keywords: Russian Empire, Steppe Governorate-General, judicial and legal system, social control, prosecutor's supervision, penitentiary system, police supervision functions.

1. Введение

Изучение судебно-правовой политики Российской империи представляется актуальным в силу интереса к «Российской имперской истории» как в отечественной, так и в зарубежной науке. Однако освещение проблем, связанных с данной темой, носит неравномерный характер. В большинстве своем исследования сосредоточены на проблемах реализации судебно-правовой и административной политики во внутренних губерниях Российской империи, общих тенденциях развития судебной системы и формирования системы социального контроля в государстве. В меньшей степени внимание ученых обращено на изучение эволюции системы социального контроля в центральноазиатских имперских окраинах.

Важно подчеркнуть, что этносоциальные и этнополитические особенности развития Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства обусловили формирование здесь особого типа судебно-правовой системы, где наряду с общеимперскими элементами действовали традиционные

* Corresponding author

E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova)

институты и нормы права, а судебная реформа 1864 г. не получила реализации (Деревскова, 2014; Anisimova, Gostyusheva, 2018). Эти факторы оказали определенное влияние и на развитие системы социального контроля в регионе, основными институтами которой выступали прокуратура, полиция и тюремная система. Трансплантация данных институтов в центральноазиатские окраины проходила сложно. К началу XX столетия функциональная малоэффективность системы социального контроля региона была очевидна и требовала модернизации. В связи с этим изучение особенностей развития институтов социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. представляется актуальным. Обращение к данной проблематике также будет способствовать пониманию вариативности имперских практик и моделей управления.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются документы и материалы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1291 – Земский отдел МВД, Ф. 1405 – Министерство юстиции) и Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора). Важное значение имеют законодательные источники, представленные основополагающими положениями, регламентирующими управление регионом. Отдельную группу источников представляют материалы ревизионных комиссий и отчетов генерал-губернатора Степного края и губернаторов степных областей. В совокупности используемые источники позволяют определить состояние и функциональную эффективность работы институтов социального контроля Степного края, выявить и проанализировать позицию региональных и центральных органов власти в отношении прокуратуры, полицейского надзора и пенитенциарной системы.

Методологической основой историко-правового исследования являются основные положения «неоинституционализма» (Захаров, 2010), позволяющие рассмотреть судебно-правовую систему и систему социального контроля как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. В работе используются системно-структурные методы, способствующие выделению и анализу элементов исследуемой системы (прокуратура, полиция, тюрьма), а также установлению специфики их содержания. Компаративный подход позволяет определить общее и особенное в развитии системы социального контроля Степного края в сравнении с общеимперской системой. Проблемно-хронологический принцип позволяет выявить и охарактеризовать основные этапы развития институтов системы социального контроля региона во второй половине XIX в. – начале XX в.

3. Обсуждение

Формирование и особенности развития системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. практически не изучены. Хотя в целом обращение к истории отдельных институтов системы социального контроля в общеимперском пространстве является востребованной исследовательской темой. Отдельные аспекты проблемы были затронуты уже дореволюционной историографией. К концу XIX – началу XX вв. вышли основательные труды по истории полиции, имперской прокуратуры, пенитенциарной системы (Муравьев, 1889; Фукс, 1889; Познышев, 1915), которые чаще всего подходили к изучению проблемы с государственных позиций и не включали в исследование региональный компонент.

В советской историографии интерес к истории дореволюционной системы социального контроля был невысоким и носил описательный характер (Воробейкова, Дубровина, 1973), ряд вопросов затрагивался в рамках обобщающих работ по истории государственного управления и судебно-правовой системы Российской империи (Ерошкин, 1968; Виленский, 1969; Ефремова, 1983). В современной историографии достаточное освещение получила история становления и развития полицейского надзора и прокуратуры Российской империи (Ефремова, 2007; Галузо, 2008; Логачева, 2010; Волчек и др., 2015). Реформы российской прокуратуры, проходившие в совокупности с судебной реформой 1864 г., оцениваются неоднозначно, критику вызывает изъятие из компетенций прокуратуры надзорных функций. Однако согласимся с мнением В.М. Деревсковой, что изменения, произошедшие в организации и деятельности прокуратуры, настолько были существенны, что многие положения реформы 1864 г. используются до сих пор, а некоторые необходимо было бы реализовать в современных условиях (Деревскова, 2017). Значительное внимание уделяется становлению и развитию имперских полицейских органов пореформенного периода (Артамонова, Мухортов, 2012; Кудин, 2011; Кудин и др., 2016).

Отдельной темой исследования выступает история пенитенциарной системы Российской империи (Упоров, 2004; Сальников и др., 2017), которая во второй половине XIX в. стала важной частью государственной политики. Исследователи подчеркивают, что пенитенциарная политика Российской империи носила противоречивый характер. Проведение комплекса реформ в 60–70-х гг. XIX в. было направлено на гуманизацию условий отбывания арестантов, расширение и улучшение сети тюремных учреждений, принятие мер по ограничению использования труда арестантов для решения экономических задач и т.д. Но в итоге реформы не получили реализации в полной мере, что было вызвано «остаточным принципом финансирования пенитенциарных учреждений» (Упоров,

2004: 268). В управлении пенитенциарными органами и учреждениями отсутствовали система и централизация и, соответственно, эффективный контроль за их деятельностью (Казаченок, 2018). Переживала пенитенциарная система период нестабильности и в первые десятилетия XX в., что было вызвано сложной общественно-политической ситуацией в стране (Трофимова, 2017: 454). Зарубежная историография представлена обобщающими работами по истории судебно-правовой системы России, для которых характерна в целом положительная оценка имперских преобразований второй половины XIX в. (Тарановски, 1992). Однако история формирования институтов системы социального контроля затронута частично, прежде всего в работах, посвященных проблемам административной системы Российской империи (Raeff, 1979; Melancon, 2004).

В целом, при достаточном изучении общеимперских тенденций развития системы социального контроля за рамками исследовательского внимания остались центральноазиатские национальные окраины Российской империи. Можно выделить лишь несколько публикаций, которые затрагивают заявленную проблему с учетом региональной специфики (Тимошевская, 2014; Махмудова, 2016). Отсутствие специальных работ актуализирует данное исследование.

4. Результаты

В современной историографии подчеркивается модернизационная направленность политики Российской империи в центральноазиатских национальных окраинах (Лейзерович, 2001; Лысенко и др., 2014), в силу которой в регион были привнесены нормы и институты общеимперской судебно-правовой системы и системы социального контроля. Становление и развитие прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы в Степном крае, безусловно, проходило в русле общеимперских тенденций, однако практически с момента трансплантации деятельность данных институтов приобрела структурные отличия, что в итоге обусловило их функциональную малоэффективность.

Особое место в системе социального контроля региона занимал институт прокуратуры, который был учрежден в степных областях сравнительно поздно, в 1868 г. Согласно Временному положению об управлении в степных областях областной прокурор был наделен правами и обязанностями губернского прокурорского надзора на общем основании (РГИА. Ф. 1405. Оп. 99. Д. 1986. Л. 4). Однако организация системы прокурорского надзора в Степном крае практически сразу приобрела специфические черты. Так, в степных областях в полной мере не получили распространения принятые 7 марта 1866 г. правила «О порядке действия прокурорских чинов в судебных установлениях губерний до окончательного введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года». Сами правила стали важным этапом преобразования прокурорского надзора в Российской империи. На основании Правил права и обязанности губернских прокуроров и стряпчих были аналогичны тем, которыми наделялись лица прокурорского надзора в судах. Также, начиная с 1866 г., судебная прокуратура наделялась полномочиями по надзору за содержанием арестантов и управлением тюрьмами, а в должностные компетенции прокуроров был включен надзор по административным делам и т.д. (Бриль, Корняков, 2008). Исключение же Степного края из сферы распространения Положения 1866 г. было обусловлено отсутствием в системе региональной власти должности уездного стряпчего, значительной удаленностью уездных городов от места нахождения областного прокурора и т.д.

Однако региональные власти, понимая малоэффективность прокурорского надзора в вверенном регионе, заявляли о необходимости применения в Степном крае общеимперских положений. Уже в 1873 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущев обратился в МВД с представлением о необходимости распространить Правила 1866 г. на Акмолинское и Семипалатинское областные правления (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1873. Д. 27. Л. 1-2). После длительной переписки между чиновниками МВД, Министерства юстиции и военного ведомства было признано возможным удовлетворить ходатайство генерал-губернатора Западной Сибири, но введение в степных областях Правил затянулось (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1873. Д. 27. Л. 5-29).

Существенные недостатки в деятельности прокурорского надзора Степного края были связаны с малочисленностью штата. Показательным является записка акмолинского областного прокурора Кондратовича, который, отмечая широкий круг обязанностей, возложенных на прокурора, указывал на необходимость введения в его ведомстве дополнительной штатной единицы товарища прокурора. В 1885 г. военный губернатор Уральской области подчеркивал «затруднительное» положение областного прокурора в связи с объемом работы, возложенной на него. Так, кроме непосредственных функций осуществления прокурорского надзора, в обязанности уральского областного прокурора с 1877 г. входило рассмотрение и направление в суд с письменными заключениями формальных следствий по всем уголовным делам области, что во внутренних губерниях относилось к обязанностям товарищей губернских прокуроров. При этом канцелярия прокурора включала одну штатную единицу чиновника – письмоводителя, жалование которого составляло 250 руб. в год. Конечно, низкое финансирование, по мнению военного губернатора области, «исключает всякую возможность иметь при камере прокурора лицо, до известной степени способное помогать...» (РГИА. Библиотека. Приложение к всеподданнейшему рапорту военного губернатора Уральской области в 1885 г. Л. 30-31).

Действительно, круг обязанностей областных прокуроров Степного края был значительно шире по сравнению с компетенциями губернских прокуроров внутренних областей Российской империи. К ним относились назначение следствий по поступавшим делам, контроль за правильностью ведения следственных действий, целый комплекс функций прокуроры выполняли по делам Палаты уголовного и гражданского суда, в том числе рассмотрение следствий по уголовным делам и внесение их в Палату с заключением, обеспечение обвинения по уголовному делу, объявление протестов на судебные решения, ведение отчетности и т.д. В ведении областных прокуроров находились также уголовные и гражданские дела Мирowego съезда (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 2-5). Выполняли прокуроры степных областей и ряд административных функций. Так, весной 1895 г. в Министерстве юстиции рассматривался вопрос о деятельности окружных судов и прокурорском надзоре в Тургайской волости. В докладе отмечалось, что в области «на прокуроров возложены такие, требующие непременно пребывания их в губернских и областных городах обязанности, которые не лежат на прокурорах областных судов и из коих главнейшими являются просмотр постановлений и журналов губернских присутственных мест, а равно наблюдение за правильным и безостановочным течением дел в сих установлениях..., но и эти обязанности имеют всецело административный характер и находятся вне всякой связи с возложенными на прокуратуру судебными обязанностями» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 230–234). В итоге расширенные функции прокурора препятствовали исполнению непосредственных служебных задач.

Второй составляющей системы социального контроля являлась реализация полицейско-надзорных функций, выполнение которых в степных областях было возложено по Временному положению 1868 г. на уездные управления. В большинстве уездов обязанности полиции выполнялись уездными начальниками, в Семипалатинске и Усть-Каменогорске – полицеймейстерами. На низовом уровне полицейские функции были возложены на волостных управителей. Охрану находящихся под следствием и надзором осуществляли особые надзиратели. Военный губернатор Семипалатинской области в 1893 г. подчеркивал, что «до 1892 г. особые надзиратели имелись во всех пунктах пребывания поднадзорных, но так как кредит на эту потребность уменьшен, то пришлось ограничиться наимом особых надзирателей только в тех пунктах, где по числу поднадзорных и в силу некоторых местных условий необходимо иметь за поднадзорными более усиленное наблюдение» (РГИА. Библиотека. Рапорт военного губернатора Семипалатинской области за 1892 г. Л. 5). В связи с чем в 1893 г. особые надзиратели находились на постоянной основе лишь в Усть-Каменогорске и Семипалатинске; в Каркаралинском городском поселении особый надзиратель нанимался лишь в летнее время, а в Павлодаре и Зайсанском посту эта должность отсутствовала.

По мнению военного губернатора Семипалатинской области Карпова, причины неудовлетворительной работы полицейско-надзорных органов заключались в малоэффективности уездного управления, служащих в которых крайне не хватало в регионе. Как правило, уездное управление состояло из уездного начальника и двух-трех чиновников. В своем отчете о состоянии области за 1898 г. Карпов писал, что «уездный начальник и его помощник – единственные лица, посещающие степь <...>. Но при огромных пространствах уездов и значительной канцелярской работе посещение степи не может быть частым». Из этого и проистекало, что производство дознания и другие поручения, возлагаемые на чиновников исполнительной полиции, исполнялись преимущественно казахскими волостными управителями, а иногда и переводчиками, «так как поручить такие дела некому, за неимением при уездных управлениях чиновников исполнительной полиции» (РГИА. Библиотека. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. Л. 7).

Не изменилась ситуация и в начале XX в. Так, обзор состояния Семипалатинской области за 1905 г. выявил, что в одном из уездов «нет полицейских урядников, на все 22 волости имеется всего лишь три стражника, да и те исполняют посторонние обязанности. Двое писцов Уездного управления, один в качестве переводчика при Уездном начальнике», а волостные управители, будучи единственными органами полиции, выполняли свои функции крайне небрежно (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 91). Рассуждая о роли полицейских учреждений в 1910 г., Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит отводил полиции достаточно высокую социальную роль в обществе, подчеркивая, что «полиция представляется главным жизненным нервом административного управления; обслуживая население, она является тем звеном, которое соединяет разнородные классы населения и помогает правительству в его заботах о благе и преуспевании края». Но в степных областях, по мнению генерал-губернатора, «слово «полиция» представляется почти пустым звуком», так как по закону эти функции возложены на ограниченное количество полицейских чинов (Всеподданнейший отчет..., 1911: 2). В 1912 г. Е.О. Шмит в ежегодном отчете о состоянии и нуждах Степного края подчеркивал, что «в особенности в неудовлетворительном состоянии находится полиция. До минувшего года весь Степной край обслуживался 10 уездными начальниками и 10 помощниками уездных начальников с ничтожным количеством урядников и стражников. Города имеют свою городскую полицию, по численности далеко не соответствующую количеству населения». Е.О. Шмит сетовал, что «число священников, врачей, мировых судей, ветеринарных врачей, чинов полиции и других местных работников крайне недостаточно. Пространства, ими обслуживаемые громадны, а население ежегодно, благодаря переселению, быстро увеличивается. Напряженный темп работы правительственных учреждений и чинов едва успевает за быстрым ходом развивающейся в крае

жизни, каждую минуту рискуя отстать от него» (*Всепопданнейший отчет...*, 1913). Безусловно, при таком положении дел обеспечение порядка в Степном крае требовало серьезных усилий со стороны региональных властей.

Значительную роль в системе социального контроля занимали тюремные институты и учреждения. Преобразование тюремной системы в России во второй половине XIX в. являлось одной из главных задач имперских властей, усилия которых были направлены как на улучшение системы мест заключения, так и на рациональную организацию системы тюремного надзора и быта заключенных, создание единой системы управления местами лишения свободы, улучшение контроля над пенитенциарными учреждениями (*Казаченок, 2018: 13*). В 1877 г. начала работу Комиссия по тюремным преобразованиям, которая разработала основные направления реформы, начавшейся в 1879 г. и явившейся важным этапом модернизации уголовно-исполнительной системы в контексте либерализации российского государства. В итоге в Российской империи была создана единая структура пенитенциарных органов и учреждений, а сама система приобрела к началу XX в. качественно новые очертания (*Трофимова, 2017: 450*). Однако реформа не коснулась в полной мере тюремной системы Степного края, положение которой, по мнению региональных властей, было крайне удручающим. По состоянию на 1883 г. тюремные помещения находились в Степном крае в трех областных и шести уездных городах, в остальных уездных городах арестанты содержались на гауптвахтах. Заведывание тюрьмами было сосредоточено в областных попечительных о тюрьмах комитетах и их уездных отделениях. Теснота и несоответствие своему назначению помещений для арестантов в наемных домах, особенно в уездных центрах, неоднократно обращали на себя внимание региональных властей. Чиновники местной администрации говорили о необходимости увеличить финансирование институтов пенитенциарной системы, что позволило бы обеспечить регион необходимым количеством тюрем и увеличить штат тюремных служащих. Но преобразования шли крайне медленно. Например, власти Семиреченской области только в 1901 г. получили разрешение на строительство новых зданий для тюрем. Было выделено финансирование для строительства тюрем в Джаркенте и административного корпуса при Верненской тюрьме. Однако эти меры, по мнению военного губернатора области, лишь частично решали проблемы, по-прежнему в неудовлетворительном состоянии оставались помещения для тюрем в Копале, Лепсинске и Пржевальске (*Всепопданнейший отчет...*, 1901: 7).

Озабоченность руководства области вызывала и организация надзора в уездных тюрьмах за арестантами, который был сосредоточен в руках старшего надзирателя. В связи с чем перед Главным тюремным управлением было возбуждено ходатайство об учреждении в регионе должностей смотрителей тюрем. В итоге на протяжении первого десятилетия XX в. в пенитенциарной системе Степного края сохранялись основные проблемы: отсутствие финансирования, аварийное состояние тюрем, малочисленность штата тюремных служащих. Степной генерал-губернатор в 1912 г. оценивал состояние тюремной системы региона как неудовлетворительное. В своем отчете он писал: «Тюрьмы Акмолинской области поражали недостаточностью помещений для заключенных и крайней ветхостью зданий. В Атбасарском уезде совсем нет тюрем. Омская тюрьма, устроенная на 392 чел. вмещает от 450 до 600 человек. Петропавловская, рассчитанная на 67 заключенных, содержит обыкновенно 150–200 человек. Особенно печально состояние Кокчетавской тюрьмы, помещающейся в деревянном здании. Она устроена на 15 заключенных, а содержится в ней от 120 до 150 человек. Наружные стены здания настолько прогнили, что во время зимних морозов промерзают и покрываются внутри инеем. Крыша протекает, потолки сгнили и прогнулись, полы во многих местах провалились» (*Всепопданнейший отчет...*, 1913: 18–19). Одна из проблем пенитенциарной системы Степного края заключалась в недостаточности тюремных помещений, находящихся на государственном балансе. Так, в Семипалатинской области только в трех городах – Семипалатинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске – тюрьмы находились в казенных зданиях. В то время как в Зайсане, Каркаралах и Усть-Каменогорске содержание арестантов осуществлялось в наемных помещениях, совершенно не приспособленных для размещения и охраны арестантов. Безусловно, при таком положении тюремных помещений и крайней малочисленности тюремных надзирателей невозможно установить для заключенных необходимый строгий тюремный режим, отсутствие которого подрывает в корне саму идею тюремного заключения как наказания.

В целом, во второй половине XIX – начале XX в. развитие институтов системы социального контроля в Степном крае проходило достаточно сложно. Необходимость модернизации пенитенциарной системы, увеличения штата полицейского и прокурорского надзора, приведение должностных компетенций прокурора в соответствие с общеимперскими позициями была очевидна на региональном и центральном уровнях власти.

5. Заключение

Таким образом, привлеченные в исследовании материалы и документы свидетельствуют о функциональной малоэффективности системы социального контроля в Степном крае на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. «Импорт» общеимперских институтов прокуратуры, полиции и тюремной системы протекал медленно, с ограничениями, что обусловило общее состояние судебно-правовой системы региона. Характер институтов и их функциональная эффективность позволяют

говорить о реализации в Степном крае модели парциальной модернизации, возможности которой связывались с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества (Побережников, 2002). Важным является тезис о возникновении в процессе парциальной модернизации несоответствия между институтами, привнесенными в сообщество и самим сообществом, а также несоответствия внутри самих институтов, в итоге порождая «устойчивое фрагментарное развитие».

Действительно, институты были импортированы в регион без учета особенностей цивилизационного, этносоциального и этнополитического развития региона. Безусловно, проблемы низкого финансирования, неуккомплектованности штатов полицейского и прокурорского надзора, ветхости и переполненности тюремных учреждений носили системный характер, встречались они и во внутренних губерниях Российской империи. Однако в Степном крае эти проблемы усугублялись особым статусом региона в национальной имперской политике, что не позволяло распространять на степные области реформы, способствующие модернизации и повышению функциональной эффективности работы институтов социального контроля. В связи с этим вплоть до конца имперского периода прокуратура, полиция и пенитенциарная система Степного края сохраняли значительный комплекс проблем и нуждались в коренных преобразованиях.

Литература

Артамонова, Мухортов, 2012 – Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции // *Юридическая наука: история и современность*. 2012. № 11. С. 7-11.

Бриль, Корняков, 2008 – Бриль Г.Г., Корняков А.А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // *История государства и права*. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/310.htm> (дата обращения: 05.05.2018)

Виленский, 1969 – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. 400 с.

Волчек и др., 2015 – Волчек В.А., Гаврилов С.О., Серафимович А.Е. Прокуратура Западной Сибири и проблема общего надзора в 1850–1890-х гг. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 136-139.

Воробейкова, Дубровина, 1973 – Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев, 1973. 68 с.

Всепопданнейший отчет..., 1911 – Всепопданнейший отчет Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Шмита, о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. Омск, 1911. 34 с.

Всепопданнейший отчет..., 1913 – Всепопданнейший отчет Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Шмита, о состоянии Степного края за 1912 г. Омск, 1913. 24 с.

Всепопданнейший отчет..., 1901 – Всепопданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семиреченской области за 1901 г. Б.м., б.г.

Галузо, 2008 – Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование). М., 2008. 483 с.

Деревскова, 2014 – Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 21-28.

Деревскова, 2017 – Деревскова В.М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // *Сибирский юридический вестник*. 2017. № 4. С. 3-10.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.

Ефремова, 1983 – Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование. М., 1983. 149 с.

Ефремова, 2007 – Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). М., 2007. 267 с.

Захаров, 2010 – Захаров В.В. Неинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2010. № 3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).

Казаченок, 2018 – Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2018. Т. 9. № 1. С. 12-17. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11103

Кудин, 2011 – Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2011. № 50. С. 4-11.

Кудин, Панфилец, 2016 – Кудин В.А., Панфилец А.В. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (К 300-летию российской полиции) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2016. № 1 (69). С. 12-17.

Лейзерович, 2001 – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.

Логачева, 2010 – Логачева Н.В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 5 (85). С. 57-62.

Лысенко и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.

Махмудова, 2016 – Махмудова Н.Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К.К. Палена) // *Метаморфозы истории*. 2016. № 8. С. 201-210.

Муравьев, 1889 – Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М., 1889. 568 с.

Побережников, 2002 – Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 06.05.2018)

Познышев, 1915 – Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. 302 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сальников и др., 2017 – Сальников В.П., Захарцев С.П., Оганесян С.М., Сальников М.В. Российская империя и пенитенциарная политика во второй половине и конце XIX в. // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 7. С. 53-60.

Тарановски, 1992 – Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 301-317.

Тимошевская, 2014 – Тимошевская А.Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX вв. // *Труды Академии управления МВД России*. 2014. № 4 (32). С. 92-96.

Трофимова, 2017 – Трофимова Н.Н. Пенитенциарная система Российской империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) // *Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов Междунар. науч. конф.* Воронеж, 2017. С. 450-454.

Упоров, 2004 – Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.

Фукс, 1889 – Фукс В.Я. Суд и полиция. Ч. II. М., 1889. 232 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Anisimova, Gostyusheva, 2018 – Anisimova Inna V., Gostyusheva Evgenia M. The imperial judicial and legal system in the Steppe region in the second half of the XIX century: features of formation and functioning // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 271–279.

Melancon, 2004 – Melancon M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917) // *Russian History*. 2004. Vol. 31. Is. 4: 369–371.

Raeff, 1979 – Raeff M. The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia, 1700-1905 // *Americal Review*. 1979. Vol. 84. № 2 (April): 399–411.

References

Artamonova, Mukhortov, 2012 – Artamonova G.K., Mukhortov A.A. (2012). Rossiiskaia imperiia XIX – nachala XX veka: nekotorye osobennosti pravovogo regulirovaniia funktsionirovaniia politsii [Russian Empire of the XIX - beginning of the XX century: some features of the legal regulation of police operation]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost*, № 11, pp. 7–11. [in Russian]

Bril, Korniaikov, 2008 – Bril G.G., Korniaikov A.A. (2008). Pravovoe regulirovanie prokurorskogo nadzora v poreformennoi Rossii (vtoraia polovina XIX veka) [Legal regulation of procuratorial supervision in post-reform Russia (second half of the XIX century)]. *Istoriia gosudarstva i prava*, № 2. [The electronic resource]. URL: <http://regiment.ru/Lib/C/310.htm> (reference date: 05.05.2018) [in Russian]

Vilensky, 1969 – Vilensky B.V. (1969). Sudebnaia reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial reform and counter-reform in Russia]. Saratov, 400 p. [in Russian]

Volchek i dr., 2015 – Volchek V.A., Gavrilov S.O., Serafimovich A.E. (2015). Prokuratura Zapadnoi Sibiri i problema obshchego nadzora v 1850 – 1890-kh gg. [The public prosecutor's office of Western Siberia and the problem of general supervision in the 1850s and 1890s.]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 2 (62), vol. 2, pp. 136–139. [in Russian]

Vorobeikova, Dubrovina, 1973 – Vorobeikova T.U., Dubrovina A.B. (1973) Preobrazovanie administrativno-politseyskogo apparata, suda i tiuremnoi sistemy Rossii vo vtoroi polovine XIX v.

- [Transformation of the Russian administrative police apparatus, the Russian court and the Russian prison system in the second half of the 19th century]. Kiev, 68 p. [in Russian]
- Vsepoddaneishii otchet..., 1913** – Vsepoddanneishii otchet Stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoianii Stepnogo kraia za 1912 g. (1913) [The most devoted report of the Steppe Governor-General of the General from the Shmit cavalry about the state of the Steppe region for 1912]. Omsk, 24 p. [in Russian]
- Vsepoddaneishii otchet..., 1911** – Vsepoddanneishii otchet Stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoianii i nuzhdakh Stepnogo kraia za 1910 g. (1911) [The most devoted report of the Steppe Governor-General of the General from the Shmit cavalry about the state and needs of the Steppe region for 1910]. Omsk, 34 p. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet..., 1901** – Vsepoddanneishii otchet ispravliaiushchego dolzhnost' voennogo gubernatora Semirechenskoj oblasti za 1901 g. [The most devoted report of acting the military governor of the Semirechye region for 1901] B.m., b.g. [in Russian]
- Galuzo, 2008** – Galuzo V.N. (2008). Vlast' prokurora v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie) [The power of the prosecutor in Russia (historical and legal analysis)]. M., 483 p. [in Russian]
- Derevskova, 2014** – Derevskova V.M. (2014). Prostranstvenno-vremennye problemy realizatsii sudebnoj reformy 1864 g. [Spatial-temporal problems of the implementation of judicial reform in 1864]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik*, № 4, pp. 21–28. [in Russian]
- Derevskova, 2017** – Derevskova V.M. (2017). Vliianie sudebnoj reformy 1864 g. na rossiiskuiu prokuraturu: retrospektivnyi analiz i sovremennye aspekty [The influence of the judicial reform of 1864 on the Russian prosecutor's office: a retrospective analysis and modern aspects]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik*, № 4, pp. 3–10. [in Russian]
- Eroshkin, 1968** – Eroshkin N.P. (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevoljucionnoj Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M., 368 p. [in Russian]
- Efremova, 1983** – Efremova N.N. (1983) Ministerstvo iustitsii Rossijskoj imperii, 1802–1917 gg. Istoriko-pravovoe issledovanie [Ministry of Justice of the Russian Empire, 1802-1917. Historical and legal research]. M., 149 p. [in Russian]
- Efremova, 2007** – Efremova N.N. (2007). Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX v. (Istoriko-pravovoe issledovanie) [Establishment and development of judicial law in Russia XVIII - early XX century. (historical and legal analysis)]. M., 267 p. [in Russian]
- Zakharov, 2010** – Zakharov V.V. (2010). Neoinstitutsionalizm v istoriko-pravovykh issledovaniiah: k probleme rasshirenija metodologicheskogo instrumentariia otechestvennoj istorii gosudarstva i prava [Neoinstitutionalism in historical and legal studies: to the problem of expanding the methodological tools of the national history of the state and law]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 3 (15). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (data obrashcheniia: 30.10.2017). [in Russian]
- Kazachenok, 2018** – Kazachenok V.V. (2018). Organizatsionno-pravovye osnovy deiatel'nosti penitentsiarnykh organov i uchrezhdenii v sisteme Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj imperii [Organizational and legal foundations of the activity of penitentiary bodies and institutions in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 9, № 1, pp. 12–17. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11103 [in Russian]
- Kudin, Panfilets, 2016** – Kudin V.A., Panfilets A.V. (2016). Retrospektiva stanovleniia i razvitiia politsii v Rossiiskom gosudarstve (K 300-letiiu rossijskoj politsii) [A Retrospective of the Formation and Development of Police in the Russian State (To the 300th Anniversary of the Russian Police)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 1 (69), pp. 12–17. [in Russian]
- Kudin, 2011** – Kudin V.A. (2011). Ot politsii Rossijskoj imperii k politsii Rossijskoj Federatsii [From the police of the Russian Empire to the police of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 50, pp. 4–11. [in Russian]
- Leizerovich, 2001** – Leizerovich E.E. (2001). Sotsial'nye i ekonomicheskie itogi rossijskoj kolonizatsii Turkestana [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tel'-Aviv, 269 p. [in Russian]
- Logacheva, 2010** – Logacheva N.V. (2010). Deiatel'nost' prokurorskogo nadzora v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [The activities of the prosecutor's supervision in Russia in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, № 5 (85), pp. 57–62. [in Russian]
- Lysenko i dr., 2014** – Lysenko Iu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V. i dr. (2014). Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossijskoj imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]
- Makhmudova, 2016** – Makhmudova N.B. (2016). Sostoiianie penitentsiarnoi sistemy Turkestanskogo kraia v nachale XX v. (po materialam otcheta senatorskoj revizii grafa K.K. Palena) [The status of the penitentiary system of Turkestan in the early XX century. (based on the report of the senator's revision of Count Palen K.K.)]. *Metamorfozy istorii*, № 8, pp. 201–210. [in Russian]

Muravyev, 1889 – *Muravyev N.V.* (1889) Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deiatelnosti: Prokuratura na Zapade i v Rossii. Posobie dlia prokurorskoj sluzhby [Prosecutor's supervision in its structure and activities: Prosecutor's Office in the West and in Russia. A guidebook for prosecution service]. Vol. 1, M., 568 p. [in Russian]

Poberezhnikov, 2002 – *Poberezhnikov I.V.* (2002). Modernizatsiia: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. *Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie*, vol. 8, pp. 146–168. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (data obrashcheniia: 06.05.2018) [in Russian]

Poznyshev, 1915 – *Poznyshev S.V.* (1915) Ocherki tiurmovedeniia [Analytical reviews on prison studies]. M., 302 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

Salnikov i dr., 2017 – *Salnikov V.P., Zakhartsev S.P., Oganessian S.M., Salnikov M.V.* (2017). Rossiiskaia imperiia i penitentsiarnaia politika vo vtoroi polovine i kontse XIX v. [The Russian Empire and the penitentiary policy in the second half and the end of the XIX century]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*, № 7, pp. 53–60. [in Russian]

Taranovski, 1992 – *Taranovski T.* (1992). Sudebnaia reforma i razvitie politicheskoi kul'tury tsarskoi Rossii [Judicial reform and development of political culture of Czarist Russia]. Great reforms in Russia. 1856–1874: Collection / Ed. L.G. Zakharova, B. Ekloff, J. Bushnell. M. Pp. 301–317. [in Russian]

Timoshevskaiia, 2014 – *Timoshevskaiia A. D.* (2014). Sozdanie Turkestanskogo general-gubernatorstva i formirovanie ego politseiskoi sistemy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The creation of the Turkestan general-governorship and the formation of its police system in the second half of the XIX - early XX century]. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii*, № 4 (32), pp. 92–96. [in Russian]

Trofimova, 2017 – *Trofimova N.N.* (2017). Penitentsiarnaia sistema Rossiiskoi imperii v epokhu obshchestvenno-politicheskogo krizisa revoliutsionnogo perioda (1905 – fevral' 1917 gg.) [Penitentiary system of the Russian Empire in the epoch of the socio-political crisis of the revolutionary period (1905 - February 1917)]. *Pravo i vlast': osnovnye modeli vzaimodeistviia v mnogopoliarnom mire: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Voronezh, pp. 450–454. [in Russian]

Uporov, 2004 – *Uporov I.V.* (2004). Penitentsiarnaia politika Rossii v XVIII-XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiia [Penitentiary policy of Russia in the XVIII-XX centuries. Historical and legal analysis of development trends]. SPb., 608 p. [in Russian]

Fuks, 1889 – *Fuks V.I.* (1889) Sud i politsiia [The court and the police]. Vol. II, M., 232 p. [In Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Anisimova, Gostyusheva, 2018 – *Anisimova I.V., Gostyusheva E.M.* (2018). The imperial judicial and legal system in the Steppe region in the second half of the XIX century: features of formation and functioning. *Bylye Gody*, 47(1): 271–279.

Melancon, 2004 – *Melancon M.* (2004). Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917). *Russian History*, Vol. 31, Is. 4: 369–371.

Raeff, 1979 – *Raeff M.* (1979). The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia, 1700-1905. *American Review*, Vol. 84. № 2 (April): 399–411.

Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Инна Владимировна Анисимова ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных источников и делопроизводственной документации анализируется развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. Исходя из основных положений «неоинституционализма», система социального контроля рассматривается как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. Системный подход позволил выделить основные элементы исследуемой системы (прокуратура, полиция, тюрьма) и провести анализ их функциональной эффективности.

В результате исследования можно сделать выводы, что в Степном крае на протяжении рассматриваемого периода развитию системы социального контроля имперскими властями уделялось недостаточное внимание. Институт прокуратуры отличался малочисленностью штата, существенным по сравнению с прокурорами внутренних губерний объемом должностных полномочий. Региональные власти с критикой подходили к оценке работы полицейских органов в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова)

Степном крае. Полицейско-надзорные функции были возложены на уездных начальников, которые, выполняя непосредственные административно-управленческие функции, не могли в полной мере осуществлять полицейский надзор. В крайне сложном состоянии находилась пенитенциарная система региона, основные проблемы которой заключались в низком финансировании, аварийном состоянии и переполненности тюрем, малочисленности штата тюремных служащих. Анализ развития прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы позволяет говорить о функциональной малоэффективности системы социального контроля Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. и отчетливой необходимости ее модернизации и инкорпорации в общеимперское пространство.

Ключевые слова: Российская империя, Степное генерал-губернаторство, судебно-правовая система, социальный контроль, прокурорский надзор, пенитенциарная система, полицейско-надзорные функции.